

Николай Суворов

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ*

Древнейшие
университеты

Древнейшие университеты болонские и парижские возникли почти одновременно и не только повлияли на другие, позднее возникшие, университеты, но и испытали взаимное влияние одного на другого в дальнейшем своем существовании. Поэтому не лишне будет изложить генезис образования обоих университетов в их начальных фазах. Собственно говоря, древнейшею высшею школою в Западной Европе была салернская (специальная медицинская), уже в XI в. славившаяся в Европе; но относительно прошлого этой школы сохранилось мало известий, и, кроме того, она не оставила после себя никаких следов в истории западноевропейских университетов, так как и медицинская же, школы, позднее возникавшие, складывались по болонскому или парижскому образцу.

Болонский
университет
Школа
правоведения

Начнем с *Болоньи*.

Болонские юристы желали производить учреждение болонской школы правоведения от императора Феодосия II, учредительная якобы грамота которого была даже внесена в 1257 г. в сборник важных официальных документов. Грамота эта, по выражению Фиттинга, есть одна из тех благочестивых фальсификаций, которые в Средние века столь же мало смущали совесть, как и похищение мощей. Не более основательным оказалось и другое, многие века господствовавшее представление, что правоведение находилось в полном упадке, и что римское право оставалось совершенно неизвестным на Западе вплоть до XII в., когда при императоре Лотаре, находившиеся с ним в союзе пизанцы завоевали Амальфи и в числе других вещей, доставшихся им в добычу, взяли драгоценный манускрипт юстиниановских пандект, находящийся теперь во Флоренции и называемый флорентийским списком. В связи с этим фактом и считали до нынешнего столе-

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005. № 3. С. 199–206.

тия оживление римского права и правоповедения, представляя дело так, что император Лотарь, подарив пизанцам рукопись за оказанные ими услуги, вместе с тем, по совету Ирнерия, занимавшегося будто бы ранее изучением права в Константинополе и лучше других понявшего важное значение находки, предписал эдиктом повсеместное изучение и применение судами римского права, и что, наконец, Ирнерий сам и положил в Болонье начало научной обработке римского права, почему и должен считаться основателем тамошней юридической школы, а вместе и современного правоповедения. Савиньи в своей знаменитой «Истории римского права в Средние века» опроверг этот взгляд, доказывая, что эдикт Лотаря есть не что иное, как сказка, и что не было надобности вновь вводить римское право, так как оно во все эпохи Средних веков было в действии и в живом применении, и что болонской школе предшествовали юридические школы в других городах Италии. Но и Савиньи все-таки приписывал Ирнерию «восстановление правоповедения», называя даже это восстановление «внезапным». Яснее и точнее представляет дело Фиттинг в ценной брошюре, составленной им по поводу празднования в 1888 г. восьмисотлетнего юбилея болонского университета: «Начала юридической школы в Болонье». Выводы позднейших ученых, таких как итальянец Беста, в существенном сходятся с выводами Фиттинга. Не говоря о том, что в церковных школах, охранявших вообще во времена варварства остатки античной образованности, преподавались так называемые свободные искусства (*artes liberales*), различавшиеся как *trivium* (грамматика, диалектика и риторика) и *quadrivium* (арифметика, геометрия, астрономия и музыка), и в связи с риторикой, как особый род словесности, преподавалось право (хотя, разумеется, в самых скромных размерах), — для правоповедения существовали специальные школы в Риме и Равенне и, кроме того, школа лонгобардско-римского права в Павии. Одна любопытная черта отличает эти доболонские юридические школы — несвязанность положительным законом римским (или лонгобардским). Воображая себя преемниками классических римских юристов, которым предоставлено было «создавать право», и в то же время мало знакомые с источниками, доболонские юристы произвольно устанавливали разные юридические положения, мотивируя их требованиями справедливости. Эта несвязанность юристов почвою положительного закона, при малых ресурсах умственного развития и знания, была одною из причин, почему болонская школа со времени Ирне-

Преимственность
римского права

рия, взявшаяся за точное изучение самых источников юстинианова права, затмила все предшествовавшие школы и завоевала себе всемирную репутацию.

Любопытно, что толчок к занятиям Ирнерия римским правом был дан маркграфинею Матильдою, известною в истории своею горячею приверженностью к папе Григорию VII. По рассказу болонского юриста Одофреда XIII в. (1265), до начала преподавательской деятельности Ирнерия в Болонье существовала школа искусств (*studium in artibus*), и сам Ирнерий первоначально преподавал «искусства», а затем принесение юстиниановских книг из Равенны в Болонью дало ему повод заняться ими, но, с другой стороны, еще раньше Ирнерия преподавал там «законы» некий Пепо, которому, однако, как замечает Одофред, не удалось достигнуть известности. Ирнерий родился в Болонье и был гражданином этого города, хотя о его жизни, времени рождения и смерти вообще мало известно. Рождение его падает на 1050–1060 гг. О нем упоминается в 1100 г., как о посланном императором Генрихом IV судье по одному делу, и потом в документе от 1113 г. как о члене судебного заседания в присутствии маркграфини Матильды. Предполагают, что Ирнерий первоначально преподавал диалектику с риторикой и, в связи с последнею, мог до известной степени заниматься правом. В рассказе Одофреда о принесении законных книг из Равенны в Болонью и о толчке, данном этим событием деятельности Ирнерия, усматривается зернышко истины: возможно, что некоторые отдельные части юстинианова законодательства Ирнерий добыл только из Равенны. Большую важность имеет то обстоятельство, что, судя по документам, раньше в судах Тусции (то есть во владениях маркграфини Матильды) действовали равеннские юристы, которые затем заменяются юристами из Болоньи. Объясняется это, вероятно, тем, что Матильда не желала иметь дело с юристами города, который сделался центральным пунктом течений, враждебных Григорию VII, особенно с тех пор, как из равеннской юридической школы вышел бурный памфлет против Григория VII и, в довершение всего, равеннский архиепископ выбран был как антипапа, с целью водворения которого на римской кафедре император Генрих IV жесточайшим образом опустошил владения маркграфини. Когда же, во время военных походов Генриха в Италию (1081–1084) поддерживавшаяся дотолде в Риме юридическая школа распалась, маркграфиня, вероятно, побудила молодого даровитого человека, раньше уже с успехом преподававшего смежные отрасли знания, посвятить себя изу-

чению римского права. И Ирнерий со своей стороны не мог не ценить покровительства могущественной государыни, из территории которой обеспечивался обильный приток слушателей. После смерти маркграфини, он, как видно, поступил на службу к императору Генриху V и участвовал, в качестве императорского судьи, в разных судебных заседаниях, а также действовал по исполнению разных поручений императора. Приглашение Ирнерию было сделано, по предположению Фиттинга, около половины восьмидесятых годов XI века; поэтому Фиттинг находил не бесосновательным празднование в 1888 г. восьмисотлетнего юбилея болонского университета, хотя, собственно говоря, с выступлением Ирнерия началось существование не университета, а школы, поставившей себе задачей точное изучение юстиниановских законных книг, в противоположность господствовавшему дотоле направлению. Юристы прежнего направления, воображавшие себя преемниками римских классических юристов, в своих ответах на вопросы, вызывавшиеся разными казусами практики, склонны были говорить тоном законодателя и, при каком-нибудь решительном отступлении от юстинианова законодательства, вместо всякого оправдания довольствовались заявлением, что круг юристов не дает юстинианову закону полного применения. В XI в., говорит Фиттинг, готово было возникнуть новое средневековое право на римской основе, но с сильными отклонениями от римского права, применительно к идеям и обстоятельствам времени. Но этот процесс был прерван Ирнерием и его преемниками. В отклонениях от юстинианова права Ирнерий видел лишь не имеющие никакого оправдания ошибки и результат недостаточного знакомства с источниками, каковым и на самом деле были отчасти эти отклонения. Задачей Ирнерия и его преемников было выяснить истинное и полное содержание юстинианова права путем всеобъемлющего и основательного изучения всех его частей. Вскоре и составилось убеждение, что поистине основательное и полезное знакомство с римским правом можно получить только в Болонье. Политика императора Фридриха I вполне благоприятствовала этому направлению, так как в постоянных спорах с папой и в борьбе с ломбардскими городами, стремившимися к независимости, он находил, что ему лучше всего опереться на букву существующего права и ссылаться на юстиниановы законы, понятия в их первоначальном и подлинном смысле. Получить знание римского права из единственно чистого источника устремилась в Болонью масса учащихся из всех стран Запада, преимуществен-

Средневековое право
на римской основе

но из Германии. Успеху болонской школы могли содействовать и благоприятные естественные условия города: сравнительно холодная и благоприятная для занятий зима, близость гор, дававших возможность приятного освежения в жаркие летние дни, плодородная почва, обилие винограда и овощей. Как при Ирнере, так и при его ближайших преемниках, школьное дело в Болонье стояло на таких же основаниях, на каких оно вообще держалось тогда в Италии. Это было частное дело предпринимателя-профессора, который, если обладал талантом и знаниям в области своей специальности, мог привлечь к себе массу учащихся и пожинать плоды своих трудов в виде условленного между обеими сторонами гонорара, мог побудить своим примером и других способных учителей к преподавательской деятельности, но ни между учащими, ни между учащимися не было корпоративной связи, существовала только школа, которая столь же легко могла распасться, как она и возникла. Лишь позднее как Болонья, так и другие итальянские города-республики оценили всю важность высшей школы для их политического престижа и старались наперерыв не только устраивать высшие школы, но и переманивать к себе учащихся и учащихся из другого города, предлагая тем и другим выгодные условия.

Преобладание юристов

Уже из вышесказанного можно объяснить, почему в Болонье должна была расцвести именно юридическая школа насчет других отраслей знания. К этому добавить нужно, что и Болонья, и другие итальянские города-республики нуждались в юристах для выработки своих статуты, для замещения городских должностей, для ведения внешних сношений. Другие отрасли знания, как в Болонье, так и в других итальянских университетах, не получили более или менее значительного развития, за исключением канонического права, которое с половины XII в. стало рассматриваться и преподаваться как ветвь не теологии, а юриспруденции, параллельная римскому праву. Других ветвей, или юридических дисциплин, кроме римского и канонического права, не знали ни болонский, ни другие средневековые университеты. Преобладание юристов в Болонье сильно сказывается уже ко времени издания аутентики «*Habita*». В рейхстаг на ронкальских полях были приглашены четыре преподавателя-юриста, и привилегия была дарована тем, которые путешествуют ради научных занятий, в особенности преподавателям божественных и священных законов (*omnibus qui causa studiorum peregrinantur scholaribus et maxime divinarum atque sacrarum legum professoribus*).

Привилегированная подсудность указана школярам, по их выбору, «пред их *господином* или *учителем*, или же пред местным епископом» (*coram domino aut magistro suo, vel ipsius civitatis episcopo*). Юристы истолковали этот закон так, что слово «господин» приложимо только к ним одним, преподавателям же других наук приличествует лишь название «учитель». А в действительности дарованная Фридрихом юрисдикция сделалась почти исключительным достоянием преподавателей права, так как школяры редко обращались к суду преподавателя – неюриста, пока неудобства этой профессорской юрисдикции и развивавшийся больше и больше корпоративный строй не выдвинули ректорскую юрисдикцию. Любопытно еще, что юристы истолковали закон Барбароссы в том смысле, что юрисдикция преподавателям других отраслей *впервые дана* этим законом, а за ними самими она лишь *признана и подтверждена*, принадлежала же она им и без того на основании юстиниановского закона (*Omnem reipublicae § 10*). Не невозможно впрочем, что и сам Фридрих стоял на почве этого закона, изданного Юстинианом в пользу юридической школы в Берите. У Юстиниана говорится, что надзор над писцами и известное дисциплинарное наблюдение над школярами предоставляется наместнику провинции (Финикии приморской), епископу и профессорам законов; Фридрих же превратил этот ограниченный надзор юрисдикции вообще, а наместника провинции, не приличествовавшего Болонье, обошел молчанием; по крайней мере, глосса (т.е. толкование) к данному месту юстиниановского кодекса и к «*Habita*» замечает, что новый закон есть лишь распространение юстиниановского. Любопытно, наконец, что и самый титул докторские юристы присвоили себе одним, для остальных преподавателей считая достаточным титул магистра.

Университет
ультрамонтанов
и университет
цитрамонтанов

«*Habita*» была издана в 1158 г., и к этому времени, как выше было замечено, могли образоваться мелкие землячества, потому что всего проще и естественнее было людям, прибывшим на чужбину из одной и той же страны, действовать сообща и помогать друг другу. Что прочной организации не существовало, видно из следующего факта: когда в 1176 г. прибыл в Болонью папский легат, его осадили жалобами на беспорядки и насилия при размещении по квартирам напиравшей от всюду массы школяров. Богатые из них перебивали, надавая цену, у бедных занятые уже последними помещениями, так что бедняки выгонялись из квартир в се-

редине года, до истечения срока найма, вследствие чего еще более затруднялась возможность отыскания квартир. Легат угрожал за подобные насилия и вероломство отлучением от церкви; но, несколько лет спустя, папский же легат нашел те же самые явления в Болонье и снова повторил те же угрозы. Дело, действительно, было серьезное: по некоторым сведениям, число штудирующих в Болонье доходило до 10 000 и более, и оказывалось, что школяры могли терпеть не от притеснений только со стороны горожан, а и от недостатка товарищеской взаимности в среде самих же школяров. Но вот, в первой половине XIII в., мы наблюдаем нечто новое: малые землячества или мелкие союзы слились в две большие *universitates* – университет ультрамонтанов и университет цитрамонтанов (разумеется, с итальянской точки зрения: ультрамонтаны – это пришельцы из-за альпийских гор, цитрамонтаны – пришельцы из разных городов Италии, которым не было надобности переходить через Альпы, чтобы достигнуть Болоньи). Оба университета распались на частичные союзы («провинции» или «королевства», как их называли). Так, например, университет ультрамонтанов в 1265 г. составлялся из 13-ти провинциальных союзов (галлы, пикардийцы, бургунды, пришельцы из Пуату, Тура и Ле-манса, норманны, каталонцы, венгры, поляки, германцы, испанцы, провансальцы, англичане и гасконцы). Университет цитрамонтанский составлялся из еще большего числа «королевств» (до 18-ти). На взаимодействии обоих университетов, ультрамонтанского и цитрамонтанского, покоилась потом жизнь целого болонского университета. Но так как в обоих университетах господствовали юристы, а между тем в Болонье находилось немало и таких лиц, которые штудировали медицину и свободные искусства (*trivium* и *quadrivium*), и которые тяготились своею зависимостью от юристов, выразившеюся уже в том одном, что ректором мог быть избран только юрист: то медики с «артистами» учинили раскол, образовав новый университет с особым ректором. Юристы старались было помешать этой затее и подстрекнули даже город запретить им образование нового университета (какое запрещение, действительно, и состоялось в 1295 г.); но в 1316 г. особый университет с особым ректором был формально признан в мирном соглашении юридического университета с городом. Во второй половине XIV в. (в 1362 г.,) включена была еще в университет папой Иннокентием VI теологическая школа, организованная, однако, по парижскому образцу, т.е. с сосредоточением власти в руках магистров. Вообще же

говоря, университет болонский (т.е. два юридических университета – ультрамонтанский и цитрамонтанский – и университет медиков с артистами) обнимал собою именно штудирующих пришельцев. Профессора могли входить в корпоративный строй, лишь насколько они были пришельцами же, т.е. не были природными болонскими гражданами или не получили прав болонского гражданства в течение своей профессорской деятельности. Но так как профессора все-таки не могли не оставаться управляющими собственно школьным или учебным делом вплоть до испытаний на ученые степени включительно, то, в противовес университету школяров, они составили из себя коллегии, как предохранительное средство против полного подчинения ректорам школяров. Так явились профессорские коллегии юристов, нотариального искусства, медиков, артистов. Эти коллегии были общежитиями в том смысле, в каком развились коллегии в других университетах, отчасти в итальянских, но в последних только для бедных школяров.

Введение лицензии

Со времени издания в 1219 г. декрета папы Горнория III поставлен был в известные отношения к болонскому университету архидьякон болонского кафедрального капитула. Из декрета папы можно заключить, что если раньше и существовали испытания, предшествующие возведению в ученые степени, то недостаточно регулированные. Часто случается, говорит папа, что в Болонье люди неподготовленные допускаются к учительству, вследствие чего и репутация учителей страдает, и пользам школяров, желающих учиться, наносится ущерб. Вот почему папа, в видах поддержания чести школы и интересов учащихся, подписывает, чтобы на будущее время *лиценция* (т.е. дозволение учить, *licentia docendi*) давалась архидьяконом на основании предшествующего, тщательно произведенного профессорами испытания. А когда в XIV в. в университет включена была теологическая школа, то лицензию в теологии предоставлено было давать епископу болонскому на основании такового же предварительного испытания, так что с этого времени юристы с канонистами, медики и артисты должны были получать лицензию от архидьякона, а теологи от епископа. Едва ли можно сомневаться в том, что к болонскому университету применен был тот порядок, который успел к тому времени развиться в парижском университете, где так называемый канцлер, также член кафедрального капитула, располагал правом давать лицензию. Влиянием же Парижа нужно объяснить и то, что название «канцлер» сделалось техниче-

ским для обозначения того должностного лица, от которого исходит лицензия, хотя бы в действительности дело это возлагалось не на кафедрального канцлера, а на другого члена кафедрального капитула (архидьякона, схоластика), или даже на самого епископа. Но в болонском, равно как и в других итальянских университетах, порядки которых были большим или меньшим подражанием болонским порядкам, духовный прелат, хотя бы он назывался и канцлером, остался в стороне от университета, как внешняя власть, контролирующая производство испытаний на ученые степени. Итальянские университеты, за исключением неапольского (о чем – ниже), принадлежат к одному и тому же типу городских университетов, подчиненных городскому правительству, в отличие от канцлерских университетов, в которых канцлер, располагавший правом давать лицензию, выступил и в других отношениях как университетская власть. Древнейший университет этой категории есть *парижский*.

Парижский университет

Парижский университет несомненно возник в связи с церковными учреждениями и под влиянием церковных властей. Строго говоря, в Средние века не существовало общего взгляда, по которому школьное дело считалось бы исключительной монополией церкви. Основу, на которой покоилось все школьное дело Средних веков, составляло законодательство Карла Великого и его преемников. Нельзя, правда, отрицать, что и Карл Великий при учреждении школ имел в виду главным образом потребности церкви, что его главными советниками и помощниками были духовные лица, и что, наконец, все основанные им школы, за исключением придворной, были церковными и монастырскими. Но всем этим указывается скорее на то, что Карлу Великому трудно было найти в какой-либо другой среде, кроме духовенства, грамотных людей, способных заниматься школьным делом, чем на школьную монополию, и при том не духовенства вообще, а духовенства кафедрального. Папа Александр III (в декретале, занесенном потом в официальный канонический сборник Григория IX) провозгласил свободу открытия учебных заведений без притеснений со стороны епископа или каноников его кафедрального капитула. Однако в противоположность этому воззрению в некоторых местах, под влиянием местных и личных отношений, епископ или каноник, на которого специально возлагалось попечение о кафедральной школе, претендовал на нечто вроде школьной монополии по отношению к городу, или даже к целому епископскому диоцезу (по нашему – епархии). Надобно заметить, что в со-

ставе кафедрального духовенства при епископе, образующего собою капитул, отдельные члены носят вообще название каноников, и должности их, как членов капитула, вообще называются каноникатами, причем некоторые из них, отправляющие особые должности, носят и особые названия, как архидьякон, декан, пробст, канцлер, схоластик, официал, кантор и друг. Обыкновенно попечение о кафедральной школе возлагалось на схоластика, самое название которого произошло от его специальной функции – руководить школой (*schola*); но иногда, за неимением в капитуле особого схоластика, дело это возлагалось на кого-либо другого, между прочим на канцлера (*cancellarius*), который сам по себе был чем-то в роде церковного секретаря или нотариуса, который составлял именно официальные церковные грамоты и документы, скрепляя их приложением церковной печати, хранившейся у него же. В некоторых местностях кафедральному духовенству в самом деле и удалось провести свои притязания на школьную монополию. Например, город Бреславль в 1267 г. не считал себя вправе устроить школу, хотя епископская школа находилась за городскими воротами и посещение ее затруднялось дурными дорогами и опасными мостами; город мог устроить у себя школу, лишь после того как получено было дозволение на это от епископа. Подобным же образом Любек в XIII в. признавал школьную монополию кафедральной церкви, или например, в Ашафенбурге схоластик имел исключительное право держать школу и дозволить открытие школ в пределах целого архидьяконского круга.

Теологические
начала Парижского
университета

История возникновения парижского университета, несмотря на усердную ее разработку в довольно большой литературе, все еще представляет несколько неясных и спорных между учеными исследователями пунктов. В ближайшем отношении к началу Парижского университета стоят кафедральная школа при Нотр-Дам, состоявшая под руководством кафедрального канцлера, и две монастырские школы – аббатства св. Женевьевы и аббатства св. Виктора, особенно первая из них, в которой процветали главным образом *artes*, искусства, тогда как школы кафедральная и св. Виктора были по преимуществу теологическими. По-видимому, в Париже никто не думал о школьной монополии, и считалось лишь не подлежащим сомнению, что никто не может устроить школу и выступать в качестве учителя на чужой земле без разрешения землевладельца. Отсюда следовало, что тот, кто желал учить в зданиях или на земле, принадлежавших ка-

федеральной церкви или аббатству св. Женевиевы, должен был испрашивать дозволение на то у кафедрального канцлера, или у аббата, но что, с другой стороны, не было никаких препятствий открывать школы в других местах и предместьях Парижа, особенно в монастырях и под их покровительством. Но две названные школьные области, т.е. кафедральная и св. Женевиевы, уже в первой половине XII в., успели завоевать себе блестящую репутацию, которая привлекала к ним массу учащихся и учащихся. Мнение теологов парижской кафедральной школы ценилось и принималось во внимание при разрешении богословских споров о пресуществлении (transsubstantiatio) хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, о непорочном зачатии (immaculata concepcio) Св. Девы, а в начале второй половины XII в. английский король Генрих II Плантагенет отдал на решение парижских теологов свой спор с Фомой Бекетом, архиепископом кэнтерберийским. Что же касается школьной области св. Женевиевы, то прославлению ее немало способствовал Петр Абеляр, учившийся сначала в кафедральной школе у каноника Вильгельма Шампо, потом вступивший в состязание со своим учителем и, после нескольких попыток устроить школу в других местах, разбивший свою палатку на северном склоне возвышенности, на которой расположено аббатство св. Женевиевы, и своей блестящей диалектикой привлекая к себе массу слушателей из всех стран Европы. Преподавание Абеляра в Париже, с перерывами, продолжалось приблизительно с 1102 по 1136 г., и после того как его злосчастный роман с Элоизой и другие обстоятельства заставили его навсегда покинуть Париж, школьное дело было продолжаемо его учениками, так что, на этом основании, некоторые исследователи Абеляра именно и считали виновником возникновения Парижского университета; новейшие исследования высказываются против этого взгляда, но охотно допускают, что Абеляр проложил дорогу будущему университету.

Школьную область св. Женевиевы называли в Париже: «на горе» (in monte), а кафедральную область: «между двумя мостами» (inter duos pontes), так как она расположена была на острове Сены; на левом берегу Сены основался и так называемый латинский квартал, а книгопродавцы уже в начале XIII в. облюбовали себе место близ соборного храма Парижской Богоматери.

(Продолжение следует)

